

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

*Работа представлена кафедрой философии
Смольного университета Российской академии образования.*

В русле дилеммы объективности и деятельностного подхода развитие субъективности как специфической определенности человеческого является в конечном итоге определяющим фактором. При этом только в процессе глубоких и радикальных социальных преобразований происходит совпадение изменения обстоятельств и реализация истинных человеческих потребностей. Для подлинного преобразования современной России необходимо развитие сущностных сил человека как основного средства и конечной цели всех социальных преобразований. Важную роль в активизации «человеческого фактора» должны играть наука, образование и культура.

Ключевые слова: социальные преобразования, объективная закономерность, субъективность, истинные и искусственные потребности, воспроизводство человека, наука, образование, культура.

S. Yemel'yanov

SOCIAL TRANSFORMATIONS AND THE PROBLEM OF HUMAN WANTS

In the framework of the dilemma of objectivity and the activity approach, the development of subjectivity as a specific reality of human being is, in the long run, a determining factor. It is only in the process of deep and fundamental social changes the coincidence of surrounding conditions and realisation of true human needs and requirements takes place. For real transformation of modern Russia it is necessary to develop the essential human efforts as the main means and the final aim of all social changes and transformations. Science, education and culture should play the most important part in activating "the human factor".

Key words: social transformations, objective law, subjectivity, natural and artificial needs, reproduction of man, science, education, culture.

В нашей жизни совмещается вечное и изменчивое, сохраняющееся и постоянно обновляемое. Это парадоксальное явление сложно выразить в научных концепциях. Можно, очевидно, лишь с разных сторон приближаться к пониманию этой глубокой диалектической связи, пронизывающей мир и социальную реальность, составляющую часть сложного объективного мира.

Идея закономерной и необходимой связи социальных явлений высказывалась еще в эпоху Нового времени итальянским философом Д. Вико, который говорил о внутренних и неизбежных, образующих закономерные циклы, фазах развития каждого общества. В то же время он провозглашал в качестве философско-исторической аксиомы следующий тезис: существует божественное начало, от которого происходят законы истории, но люди сами делают свою историю. Однако оба эти исключаящие друг друга положения не образуют у Вико единой концепции. Это – противоречие между тезисом и антитезисом, значение которого состоит в том, что оно, правда косвенным образом, указывает на специфику социального прогресса.

Французские философы XVIII в. также в известной степени осознавали антиномию субъективного и объективного и утверждали, что свойства человека обусловлены средой;

при этом человеческие мнения и страсти правят миром. В данном случае так и остается без ответа вопрос о том, что же в конечном итоге является определяющим.

Несомненной заслугой немецкого классического идеализма была диалектическая постановка указанной антиномии, являющаяся вместе с тем идеалистической радикализацией проблемы. Идея диалектического единства субъекта и объекта имеет основополагающее значение для Гегеля, отвергающего как принцип первичности бытия, так и допущение его вторичности. Согласно гегелевскому учению, изначально лишь тождество бытия и мышления. Однако это тождество существует лишь в стихии мышления, которое, таким образом, интерпретируется как универсальная сущностная реальность.

Тождество бытия и мышления диалектично, заключая в себе различие между ними и их противоположность. Поэтому субстанция и субъект, объективное и субъективное вообще, «абсолютный дух» и человечество одновременно и тождественны друг другу, и существенно различны. Все реальное есть одновременно и мышление и бытие, и субъект и объект. Их отношение друг к другу есть переход одного в другое. Различные ступени универсального процесса развития характеризуются то преобладанием объективного

над субъективным, то противоположным отношением. Однако магистральное направление прогресса в конечном итоге образует развитие *субъективности* как специфической определенности человеческого. История есть объективно совершающийся процесс, *но историю делают сами люди*. В этом, по словам Гегеля, заключается «*хитрость мирового разума*», предопределяющего всемирно-исторический процесс как свое собственное деяние.

Положение Гегеля о диалектическом тождестве субъективного и объективного таит в себе, с одной стороны, гениальное прозрение, а с другой – утонченную мистификацию действительности. Специфика социальной формы объективного заключается в том, что объективное и субъективное превращаются друг в друга. Человеческое сообщество – это не просто органически развивающаяся система, а мир, в котором его субъекты способны воздействовать на сам процесс развития. Субъект истории не может быть только пассивным элементом в игре объективных социальных сил; он должен быть способен изменить и преобразовать ее.

Человек отличается от адаптивных живых существ не только тем, что имеет дело с более богатым многообразием природных и социальных обстоятельств, но и своим *деятельностным* отношением к ним. Это отличие можно резюмировать в конечном итоге альтернативой, суть которой состоит в следующем: либо давление «обстоятельств» настолько грубо и разрушительно, что оно делает человека пассивной жертвой такого воздействия, и тогда никаких глубоких социальных преобразований и никакого обогащения предметного мира человека не происходит; либо человек уже настолько достаточно образован и развит, что не позволяет «обстоятельствам» просто давить на него и делать функцией извне приложенной силы.

Это значит, что «обстоятельства» в целом никогда не могут полностью обуславливать социальное бытие. Не «обстоятельства» действуют на людей, а сами люди изучают и осваивают «обстоятельства» как предмет в его собственной логике и осуществляют целесообразную сознательную деятельность.

Взаимосвязь изменения обстоятельств и *самоизменения* людей в процессе радикальных социальных преобразований понятна не только марксистам.

Человеческая природа демонстрирует интересную двойственность. Иногда она приземляет человека до механических интерпретаций, приравнивая его к телу и функциям организма. В других случаях человеческая природа выявляет совершенно иной образ, предполагая, что человек может функционировать как *безграничное поле сознания*, трансцендирующее материю, пространство, время и линейную причинность. Для того, чтобы описать человека всесторонним и исчерпывающим образом следует, очевидно, принять парадоксальный факт, *что человек есть одновременно и материальный объект (биологическая машина) и обширное поле сознания*.

Осознанным побуждением людей к социальной активности и целесообразной деятельности являются *потребности*. Потребности в самом общем значении этого слова являются существенным звеном в системе отношений любого действующего субъекта. Будучи обусловленными неудовлетворенностью требований организма, потребности представляют собой определенную нужду субъекта в некоторой совокупности условий его бытия и притязание к внешним обстоятельствам. В данном качестве потребность выступает как непосредственная *причина* деятельности.

Следует проводить водораздел между естественными, *истинными* потребностями людей и потребностями синтетическими, *искусственными*. Истинные потребности человека коренятся в его природе: это потребности, удовлетворение которых необходимо для реализации человеческой сущности. Для превращения «разумного в действительное» и осуществления глубоких социальных преобразований необходима реализация истинных человеческих потребностей.

Необходимо заметить, что продолжение существования исторически возникших социально-экономических форм является следствием реально присущего конкретному человеку и человеческому сообществу свойства социальной инерции и консерватизма.

«Всякое изменение во взглядах людей на то, что хорошо и правильно в жизни человека, – писал основоположник институционализма Т. Веблен, – расчищает себе дорогу в лучшем случае с опозданием. Особенно это справедливо в отношении всяких так называемых прогрессивных изменений, т. е. в направлении отклонения от архаичного состояния, которое можно считать отправным пунктом в социальном развитии общности» [2, с. 206].

На этой основе возникают расхождения между потребностями в нововведениях и традиционными, привычными отношениями. Они становятся тормозом на пути перемен и одновременно создают необходимые стимулы к перестройке сложившегося образа жизни.

Субъективно каждый человек свои искусственные («материальные») потребности ощущает как совершенно неотложные; и с субъективной точки зрения не существует критерия отличия истинных потребностей от ложных. Более того, нередко человек сознает лишь только свои искусственные потребности и не сознает истинных. Большая роль в формировании истинных потребностей должна принадлежать образованию. Гегель в «Феноменологии духа» говорил о том, что «образование есть то, благодаря чему индивид обладает значимостью и действительностью» [3, с. 263].

Связь потребностей и деятельности, рассматриваемая в самом общем виде, носит двухсторонний характер. Потребность стимулирует деятельность, выступая в качестве ее первопричины и общего основания. *Но при этом и сама деятельность становится предметом потребности.* Это обстоятельство оказывается решающим для понимания специфики общественной жизни. Если эволюция животного мира имеет своим результатом совершенствование органов потребления и приспособления к условиям среды на основе *естественного отбора*, то развитие общественной жизни обусловлено созданием новых разновидностей и средств деятельности, возникновением труда как особого вида деятельности, обуславливающего существование и развитие человеческих сообществ.

В настоящее время мир подошел к рубежу качественных изменений, которые могут обернуться экологическими, военными, финансовыми, демографическими и нравственными катастрофами. Евразийский российский социум не может быть в стороне от этих подвижек.

Представляется, что Россия имеет вполне определенные шансы для того, чтобы стать одним из оазисов опережающего развития и создать, таким образом, предпосылки для качественного изменения основ экономической, социальной и духовной жизни. Это позволит избавиться от бремени существующих противоречий и вывести «непрогрессивную» часть человечества (включая и Россию) из состояния социальной депрессии и отсталости.

Осмысление российского «положительного» и «отрицательного» исторического опыта и анализ глобального контекста современного состояния России позволяют сделать вывод о неперспективности попыток как догоняющей, так и форсированной модернизации, игнорирующей сложившиеся закономерности мирового исторического и социально-экономического развития. Поэтому задача может быть поставлена как содействие росту наиболее прогрессивных и эффективных социально-экономических форм, способных служить самостоятельным источником прорыва. Под такими формами следует понимать прежде всего развитие *человеческого потенциала*.

Смысл и содержание должны быть важнее формы. В первую очередь решать надо не экономические проблемы, а искать ответ на мировоззренческие вопросы: Ради чего живем? Во что верим? Где искать идеалы, которые помогут России в неравной борьбе с транснациональными корпорациями?

В любом случае для того, чтобы Россия могла реализовать шанс на опережающее развитие, необходимо по-новому отнестись к старой истине о том, что не вещи, а *человек* должен стоять в центре экономики. Именно человек является главным ресурсом и главной целью всех социально-экономических преобразований. Основным средством перехода к экономике, адекватной вызову XXI в., является преодоление потребительски атеистического мировоззрения и свободное все-

стороннее развитие человека, предполагающее создание соответствующих общественных отношений и «выращивание» homo creator («человека творческого»).

Но для современного человека России цели творчества – это будущее, а наиболее актуальна проблема обеспечения гарантий стабильного существования. Налицо конфликт истинных и искусственных потребностей, т. е. *противоречие между сущностью и существованием*. В настоящее время людей не объединяет идея будущего, а разъединяет борьба за выживание здесь и сейчас.

В «постиндустриальном обществе» и честолюбие, и целеустремленность в целом способных и одаренных людей в основном устремляется не в сферу науки и образования, а в область хрематистики, под которой еще Аристотель понимал искусство наживать богатство и делать деньги. Это приводит к возникновению и развитию фиктивного капитала и виртуальной экономики.

Социально-психологический портрет человека-потребителя нарисовал социальный философ Э. Фромм в своей последней книге «Иметь или быть». Последователь З. Фрейда разделил людей на две группы: на тех, кто хочет «быть» и всесторонне развиваться, и на тех, кто стремится к безудержному обогащению, к накопительству материальных ценностей. Последний тип человека был назван «человеком-потребителем» (homo consumers).

Материальное потребление не способно актуализировать, «пробудить» некие дремлющие в человеке духовные потребности высшего порядка. Производство таких потребностей не является функцией этого вида потребления ни при каких его качественных показателях.

Возникновение, формирование и развитие социогенных (истинных) потребностей индивида не тождественно процессу его потребительной деятельности и не является ее результатом. Ни максимизация удовлетворения исходных потребностей, ни модификация потребляемых предметов не ведут к прогрессивной содержательной эволюции самих потребностей, поскольку структура и организация субъекта при этом остается прежней.

Так как становление новых потребностей нельзя отделить от процессов развития других человеческих качеств, то ответ на вопрос о культивировании высших духовных потребностей требует рассмотрения эволюции человеческих потребностей в контексте той жизненной драмы, которая представлена в деятельностной философии как становление и развитие «сущностных сил» человека.

Для преодоления противоречия между сущностью и существованием необходимо найти способы раскрытия сущностных сил человека. С другой стороны, следует найти такие сферы, в которых возможно было бы обеспечить экспоненциальные темпы развития, позволяющие радикально увеличить отдачу от крайне ограниченных ресурсов.

Очевидно, что такими сферами являются образование, наука и культура. Мировой опыт показывает, что вложения в науку, образование и культуру приводят к достаточно быстрым позитивным результатам. Темпы развития данных областей в нашей стране в настоящее время должны быть, как минимум, на порядок выше, чем в современных развитых и развивающихся странах – они должны прогрессировать *взрывообразно*, создавая качественно новый результат.

Наука раздвигает пространство для всеобъемлющего логоса, представляя собой одну из форм общественного сознания. Наука включает в себя как деятельность по получению нового знания, поиск истины, путь к ней, так и ее результат – сумму знаний, лежащих в основе научной картины мира и обозначение отдельных отраслей научного знания. Непосредственной целью теоретического научного познания является описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности (в том числе и действительности социальной) на основе открываемых ею законов.

Образование в мировом масштабе представляет по Г. В. Ф. Гегелю длительный путь восхождения индивида к самому себе. Этот путь грандиозно представлен в труде «Феноменология духа». Немецкий философ отмечает, что «образование, если рассматривать его со стороны индивида, состоит в том, что он добывает себе то, что находится перед ним, поглощает в себя свою неогра-

ниченную природу и овладевает ею для себя». При этом становится очевидной вечная незавершенность образовательного процесса, потому как любая остановка духа равносильна смерти и гибели того интуитивно улавливаемого образа, который терпеливо хранит, передает из поколения в поколение человечество. Образование – это создание и воссоздание образа, который бесконечно всеобъемлющ. Человек в нем постоянно соприкасается с бессмертной природой в себе, которую он пытается удерживать как некий образец совершенства.

Как отмечают С. И. Дудник и Н. А. Пруель, «...потребляя образовательные блага, человек духовно возвращается к самому себе. *Это воспроизводство* (выделено мной. – С. Е.); его особенностью является то, что в потреблении этих благ процесс созидания духовной потребности находит свою основу непосредственно в человеке» [5, с. 7–18].

Сфера образования и воспитания, понимаемая как единая и целостная система формирования личности человека, является универсальным средством многоаспектного и концентрированного влияния на «стартовые» идеалы, ценности и потребности личности.

Роль преподавателя в образовательном процессе в эпоху информатизации и увеличения удельного веса дистанционного образования должна оставаться высокой. Ибо только живая трансляция знания и сам процесс общения стимулирует ученика к постижению непознанного, где учитель является невольным образцом, проводником и эталонным подражанием, так как он все знает и может – он почти Бог. В процессе образовательного акта индивидуум должен не только получать новые знания, но и испытывать духовную трансформацию. «Педагогика, – отмечал Гегель, – это искусство делать людей нравственными (т. е. пробуждать истинные потребности. – С. Е.): она рассматривает человека как природное существо и указывает путь, следуя которым он может вновь родиться, превратить свою первую природу во вторую, духовную таким образом, что это духовное станет для него привычкой» [4, с. 205].

Возникает кардинальный вопрос: *Где взять средства для развития этих сфер?*

Существует одна особенность «знание-воинтенсивной» экономики, облегчающая конструирование механизмов, создающих «главный ресурс» – человеческие качества мирового уровня и не требующая от России значительных единовременных вложений дорогостоящих ресурсов. Эта особенность состоит в том, что знание есть товар, не теряющийся для «продавца» при передаче его покупателю. Мир знаний и культурных ценностей устроен так, что «потребление» («распредмечивание») этих благ лишь увеличивает их объем [1, с. 358].

Следовательно, Россия может получить потенциально бесконечный потенциал прироста не за счет других конкурентов, а *благодаря расширению круга партнеров по диалогу*. Это произойдет в том случае, если она станет центром интеграции новых агентов по поводу современной, наиболее передовой научной и образовательной деятельности.

Данный путь не есть ксерокопирование западной модели реализации постиндустриальных тенденций (она в принципе является нереализуемой для всех граждан Земли). Это есть путь перехода к новой социально-экономической, политической и культурной системе, имеющей своей конечной целью формирование «креатосферы».

Вполне очевидно, что ресурсы для развития образования и науки заинтересованы поставлять структуры, которые знания не производят, а главным образом покупают. Это в первую очередь страны третьего мира. Эти «контрагенты» могут передавать ресурсы для образования дешево или бесплатно в обмен на образованных специалистов или «ноу-хау». В конечном итоге этот процесс обеспечит им в обмен на единицу ресурсов большее количество специалистов, чем при взаимодействии с ТНК по ценам мирового уровня.

Для России этот механизм будет так же выгоден, ибо затраты на производство знаний для одного потребителя или для нескольких одинаковы. Следовательно, производя знания для третьей страны за ее деньги, Россия будет производить их и для себя. К тому же при производстве знания происходит развитие творческих способностей и

ФИЛОСОФИЯ

самореализация (удовлетворение *истинных* потребностей) и учеников, и учителей.

Для креатосферы (сферы творческой деятельности) характерны иные, чем в рыночной экономике, системы ценностей и целей развития. Ими становятся мера развития

творческих способностей и свободное время граждан. В конечном итоге свободный доступ к знаниям, технологиям и образованию способствует совпадению процесса самоизменения людей и изменения ими внешних социальных обстоятельств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузгалин А. В. Глобальный капитал. М., 2004.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
3. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб., 1994.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
5. Образование. Коммуникация. Ценности (Проблемы, дискуссии, перспективы). По материалам круглого стола «Коммуникативные практики в образовании» 19 ноября 2004 года / под ред. С. И. Дудника. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004.

SPISOK LITERATURY

1. Buzgalin A. V. Global'ny kapital. M., 2004.
2. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. M., 1984.
3. Gegel' G. V. F. Fenomenologiya dukha. SPb., 1994.
4. Gegel' G. V. F. Filosofiya prava. M., 1990.
5. Obrazovaniye. Kommunikatsiya. Tsennosti (Problemy, diskussii, perspektivy). Po materialam kruglogo stola «Kommunikativnye praktiki v obrazovanii» 19 noyabrya 2004 goda / pod red. S. I. Dudnika. SPb.: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2004.